

DEBIUTY NAUKOWE

Justyna Gryko

Białystok

Несколько замечаний о семантике *еды* в русской литературе

Ключевые слова: образ еды, поливалентность, пир, пища, голод

Еда как и кислород – фундаментальный аспект бытия [Пигров 2006, 6]. Она дает человеку энергию и силы для продолжения существования, для развития. Мотивы еды и питья в разных формах и аспектах относятся к числу вечных в культуре и неисчерпаемых в литературе. Значением еды в человеческой жизни интересуются также медицина, философия, теология, история и политика.

По мнению философов еда является подтверждением человеческого присутствия в мире. Только живой организм способен причащаться к миру посредством еды [Карпицкий 2006, 113]. Как замечает Н. Карпицкий,

сила еды позволяет нам временно сохранить наше присутствие в мире, сила любви – приоткрывает истинный образ тела, сила евхаристии непосредственно причащает человека к будущей жизни, когда его тело воскреснет и воссияет истинной красотой своей нетленности. Еда есть необходимый диалектический момент становления тела [Карпицкий 2006, 115].

Е. И. Анненкова свою статью о семантике и функции еды в творчестве Гоголя начинает с представления на первый взгляд незаметных отличий между словами “еда” и “пища”. Пользуясь словарем В. И. Даля, она объясняет: «Еда» – «действие по глаголу есть, ясти принятие пищи ртом, для насыщения и усвоения, яденье»; «пища» – «все, что служит для питания» [Анненкова 2008, 163]. А ведь люди питаются не только хлебом. Существует также “духовная пища”, напр., литература, музыка.

Пир неоднократно бывает местом рассмотрения серьезных вопросов. Примером может послужить философский пир, где “интеллектуальный голод” утоляется избытком мыслей, анализов, интерпретаций или современные дипломатические встречи политиков.

Причащение (Евхаристия) это таинство, в котором верующие христиане в виде хлеба и вина вкушают Плоть и Кровь самого Господа Иисуса Христа. В *Слове в Великий Четверток на Литургии. О Святых Христовых Тайнах* читаем:

Хлеб вещественный есть образ Хлеба Небесного, и вино есть образ истинного духовного питания. Действие вещественных хлеба и вина служит образом действия Тела и Крови Христовых. Хлеб, будучи употребляем в пищу, отделяет из себя, при посредстве пищеварения, соки в тело, неизвестным и непостижимым для человека образом. Образ действия неизвестен и непостижим: последствия действия, а потому и самое действие, очевидны. Сходственно с действием хлеба действие вина, действующего преимущественно на кровь. Оно отделяет из себя газы, которые изменяют состояние крови, посредством крови действуют на душу, действуют на ум, действуют на сердце. Действие вещественных хлеба и вина – вещественно. Хлебом поддерживаются и укрепляются силы тела; вино, действуя на кровь, возбуждает в ней деятельность, содействует хлебу в питании и укреплении тела. Тело, лишённое вещественной пищи, должно по необходимости сделаться жертвой смерти. Духовный хлеб – Тело Христово – укрепляет сердце человека, укрепляет все существо его, укрепляет волю, укрепляет ум, доставляет правильность пожеланиям и влечениям души и тела, [...] освобождает от недугов, которыми оно заразилось при падении, которые называются страстями, т.е., страданиями, болезнями [Слово в Великий Четверток... 2010, 62].

Если обычная еда приобщает к плоти мира, то Евхаристия есть приобщение к плоти преображенной, сохраняющей наше тело от тления и распада и служит залогом воскресения [Карпицкий 2006, 114].

Именно тем, между прочим, отличаются люди от животных, что воспринимают пищу, как нечто священное, а совместная трапеза становится пищевой церемонией и символом любви и дружбы. Мы не садимся за стол со случайными людьми. Наши сотрапезники чаще всего близкие нам люди; нас соединяют семейные, дружеские или служебные отношения. Стол объединяет материально посредством еды, и нематериально – благодаря общению [Философские пиры Петербурга... 2006].

Что придает такого особенного размышлениям совместная еда и питье? Если обратиться к “Пиру” Платона и “Тайной вечери”, как она описана в Евангелии от Иоанна, то можно заметить, что две самые значительные теории любви, оказавшие наиболее сильное влияние на развитие европейской культуры, также разрабатываются не в аудитории, а в процессе

совместной трапезы, включающей употребление спиртных напитков. Еда – не только принятие пищи, т.е. превращение внешнего во внутреннее, самый интимный процесс, соучастник которого – сотрапезник – становится самым близким другом [Макаров 2006, 96].

Из летописей можно узнать, что в древности пища была венцом человеческого труда. Так как эти два понятия были неразрывно связаны друг с другом: человек работал (земледелие) или занимался охотой, лишь бы отвоевать часть природы (мясо животных, овощи, фрукты) и насытиться ею. По словам М. Бахтина,

труд торжествовал в еде. [...] Как последний победный этап труда еда часто замещает собою в системе образов весь трудовой процесс в его целом. В более древних системах образов вообще не могло быть резких границ между едою и трудом: это были две стороны одного и того же явления – борьбы человека с миром, кончавшейся победой человека. Нужно подчеркнуть, что и труд и еда были коллективными; в них равно участвовало все общество. Эта коллективная еда, как завершающий момент коллективного же трудового процесса, – не биологический животный акт, а событие социальное [Бахтин 1965, 310–311].

Еда может иметь свой обрядовый характер и может быть нагружена символическими представлениями (напр., блюда типичные для праздничных столов). Еда также тесно связана с соблюдением различных запретов на ту или иную пищу. Запреты могут быть частью ритуальных практик, культурных верований или постов. Таким образом реализуется культурная идентичность, еда принимает классовый характер, благодаря которому люди отделяют себя, своих, от других, чужих [Макаров 2006, 96–97].

Отношение к пище связано с нравственными критериями греха. Церковь всегда одобряла воздержание от некоторых продуктов питания, от чревоугодия, от властвующей над человеком плоти. По словам Е. Василенко, в наши дни понятие поста утрачено, или по крайней мере сильно искажено. Многие путают понятия поста и диеты или даже голодания, к которым призывает медицина [Василенко, online].

Пост – это духовный обряд, аскетический подвиг, включающий в себя не только отказ от обильной и роскошной еды, но и воспитание души, борьбу с грехом. Первое упоминание о посте можно найти уже в Ветхом завете: это был запрет данный Богом праотцам – Адаму и Еве в рае, запрет на вкушение плода дерева добра и зла. Священное Писание говорит также о постах: самого Иисуса Христа в пустыне (после Крещения), пророка Моисея перед принятием каменных скри-

жалей Завета с Десятью заповедями. Далее примеру следовали Апостолы, священнослужители и первые христиане. Так и сейчас люди постятся в знак своей любви и смирения Богу. К сожалению, в наш секуляризованный век пища становится культом, к которому парадоксально люди не имеют правильного отношения.

Духовный подход к теме кулинарии интересно изображается И. Шмелевым в повести *Лето Господне*. Эта необычная книга публиковалась по частям с 1928 года по 1944 год. Смысл заглавия романа объясняет И. А. Ильин:

Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу-осень и строго-грозную, но прекрасную и благодатную белую зиму; и другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною – праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, летом и осенью – праздники природного и жизненного благословения, зимою, в стужу, – обетованное Рождество и духовно бодрящее Крещение. И вот Шмелев показывает нам и всему остальному миру, как накладывалась эта череда двусолнечного вращения на русский народно-простонародный быт и как русская душа, веками строя Россию, наполняла эти строки Года Господня своим трудом и молитвой. Вот откуда это заглавие «Лето Господне», обозначающее не столько художественный предмет, сколько заимствованный у двух Божьих Солнц строй и ритм образной смены. [...] Это сама Россия. Это вековечный ритм ее молитвы и труда [Ильин 2001, 533–534].

Герои, религиозно осмысливая свою жизнь, построили ее на крепком фундаменте молитвы и правильного питания, так как и хорошая еда и искренняя молитва сильно влияют на здоровье и настроение человека: укрепляют тело и душу, исцеляют, радуют.

Главный персонаж повести, мальчик Ваня – герой автобиографический. То, как простой православный народ организовал свою жизнь, описывается от лица ребенка, внимательно смотрящего на окружающий мир своими чистыми глазами. Рассказчик воспринимает мир по-детски наивно, и именно в этом сила и ценность произведения.

Кулинарные ассоциации оказываются самыми глубокими в потоке воспоминаний героя и выдвигаются на первый план. Начав описывать меню приготовления к какому-либо церковному празднику, повествователь как бы попадает в плен этой гастрономической стихии еды, и перечисление разнообразных кушаний занимает в книге целые страницы [Болдырева 2005, 214].

Примером может послужить ритуал приготовления еды к наступающему Великому Посту:

Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, “кресты” на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо”! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а...великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! [Шмелев, online].

Повесть Шмелева – поэма о России, об основах ее православной культуры, богатой праотцовскими традициями и блюдами, тесно связанными с церковными праздниками. Почти любому торжеству соответствуют свои специальные блюда, в которых заключен глубокий сакральный смысл. Православные праздничные кушанья напоминают часто еду, о которой читается в Священном Писании.

Можно составить довольно обширный словарь русских блюд описанных в повести, это: лапша с гусиными потрохами, кутья с маковым молоком, пирожки с морковью, крендели, хрящи разварные головизны, пунцовые раки, свинина со сметанным хреном, миндальные и воздушно-бисквитные куличи, хлеб с зеленым луком и квасом, жареный гусь с мочеными яблоками, блинчики с клюквенным вареньем. Некоторые из них давно уже забыты.

Многие литературоведы, учитывая количество и качество “пищевых мотивов”, самым «кулинарным» писателем русской литературы XIX века считают Николая Васильевича Гоголя. Василий Шлат в своей статье о писателе написал: “Вкусно-то как, будто не пишет, а священнодействует у плиты!” [Шлат, online]. И дальше вспоминает он одного из современников Гоголя, который сказал о нем, что если бы судьба не сделала его столь великолепным писателем, он наверное занимался бы кулинарией и создавал бы образцовые блюда. На самом деле Николай Васильевич достиг высокого искусства и в области литературы, и в кулинарии.

После одного из обедов, приготовленных Гоголем, его лучший друг Сергей Тимофеевич Аксаков адресовал ему тост:

Читая вас, я всегда ощущал, что в описаниях малорусских лакомств вы даете волю своей фантазии. Ну не может быть настолько вкусно! А сегодня, вкусив творений ваших кулинарных, говорю откровенно – вы еще смягчили краски [Шлат, online].

Большую славу принесла писателю повесть *Старосветские помещики*, которая по насыщенности кулинарной лексикой превосходит все произведения словесности этой эпохи [Похлебкин 1992, 204].

Герои названного выше рассказа Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович, прототипами которых послужили настоящие бабушка и дедушка писателя, вели беззаботную помещичью жизнь. Пульхерия Ивановна – символ традиционной русской хозяйки – живой хранительницы семейного очага, гостеприимства, заботы о родных и гостях.

А. Давыдов в своей статье характеризует этот слой общества следующими словами:

Помещики рождаются помещиками, едят, пьют и умирают. В перерывах между приемами пищи закусьвают, отдыхают, спят, прогуливаются по саду, вежливо общаются друг с другом, решают судьбу крепостных [Давыдов 2008, 87].

Меню заглавных героев, как повседневное, так и праздничное тесно связано с исконно русским кулинарным наследием, на формирование которого большое влияние оказала щедрая природа и географические условия. Россия – огромное пространство с обилием рек, озер и лесов. Люди, пытаясь воспользоваться богатством флоры и фауны, готовили блюда из рыб, дичи, грибов и меда.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибочками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшочков с замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах, самых близких к обеду [Гоголь 1977, 97].

Итак, эти добродушные старики жили в своем идиллическом мире. Благодаря щедрой природе и крестьянскому труду, они жили будто в “сказочном рае”, центром которого был стол, а на нем скатерть-самобранка с зажиточными лакомствами.

Немало места отводится еде также в романе Ивана Гончарова “Обломов”. Обитатели Обломовки наделены чертами русского помещичьего характера: они не привыкли к труду и заботам, похожи больше на животных, у которых две фундаментальные жизненные функции – утоление голода и беззаботный отдых.

Использование кулинарных реалий послужило писателю одним из способов объяснения социального явления, характерного для России

– обломовщины. Изображение уютной, роскошной, беззаботной жизни обломовцев, привыкших к пристальному вниманию прислуги сопровождается масштабным количеством тщательных гастрономических описаний. Это можно объяснить тем, что состояние “постоянного сна души” (а даже и тела) жителей Обломовки, их пассивное поведение, отсутствие жажды жизни, леность, – непосредственно связаны с едой, с перееданием или просто ежедневным обжорством.

Как замечает Е. В. Краснова, еда становится существом обломовского мира и своеобразным мерилom отношения к миру, радости жизни и наслаждения ею [online, <http://www.dissercat.com/content/...>].

Все мысли обломовцев сосредоточивались на пище.

Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! [...] В воскресенье и в праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стук ножей на кухне раздавался чаще и сильнее; баба совершала несколько раз путешествие из амбара в кухню с двойным количеством муки и яиц [Гончаров 1967, 130].

Страсть к еде жителей Обломовки – не просто чревоугодие. Е. В. Краснова замечает, что они незаметно превращаются в истинных гурманов, момент приготовления пищи напоминает виртуозное мастерство, а кухня приобретает формы особенного храма. Однако, как подчеркивает исследовательница, несмотря на некоторое гурманство, кулинарные склонности обитателей обломовского мира просты и близки миру природы [online, <http://www.dissercat.com/content/...>].

Н. А. Гузь в своей диссертации, посвященной художественной системе романов Гончарова отмечает, что мотив еды в разных аспектах проходит через всю трилогию (*Обыкновенная история*, *Обрыв*, *Обломов*). В романе *Обломов* мотив еды неотъемлен от концепции заглавного героя Ильи Ильича и почти всегда он синоним избыточности, которая в социокультурных представлениях тесно связана с пиром, а вне пира жестоко осуждается. Это приводит к негативной характеристике героя [online, <http://www.dissercat.com/content/...>].

В мировой литературе все чаще традиционной, материальной еде противопоставляют еду, которую невозможно съесть – еду отвлечённую, существующую в духовной, невещественной сфере. Имеет она неоднократно сложную абстрактную структуру, непонятную для простого читателя.

Метафизика еды ассимируется с творчеством писателя-постмодерниста Владимира Георгиевича Сорокина, о котором М. Рылкин сказал:

“Трудно назвать большего гастронома среди современных русских писателей, чем Сорокин” [Бабенко, online].

Самым “кулинарным” произведением этого писателя является, несомненно, сборник *Пир*, состоящий из 13 необыкновенных новелл, где пища, в разных функциях и смыслах, проходит лейтмотивом через весь сборник.

«Еда, как страсть», «Еда, как и любовь, дает нам полноту бытия» – так сам автор «Пира» В. Сорокин определяет главные идеи своей книги. Едой и ее потребителями в «Пире» становится буквально все: растения, животные, рыбы, птицы, люди, вещи, слова, буквы, лозунги, продукты генной инженерии в обществе будущего, речи, события, чувства и даже... пустота... [...] Этаким всеобщий круговорот еды в природе [Елисеев, online].

Лев Данилкин объясняет название сборника в литературном аспекте: это “пир победителя, пир в честь перехода из статуса маргинального писателя в статус литературной мегазвезды” [Латынина, online].

Чтобы лучше понять содержание “вкусного” творчества Владимира Сорокина, следует раньше познакомиться с его личным взглядом на тему еды.

Игорь Смирнов, известный германский филолог, литературовед, а также журналистка Надежда Григорьева встретились с писателем, чтобы поговорить именно о еде. Итогом этой интеллектуальной беседы является *Диалог о еде*, опубликованный Смирновым. В нем Сорокин высказывает свое мнение о значении пищи, как средства коммуникации и информации о человеке, а даже целом народе:

Н. Г.: Возможно ли явление Бога посредством еды? В. С.: Это использование еды как языка коммуникации... И. С.: С Богом. Конечно, если ты отказываешься от пищи, то приобщаешься ему, с другой стороны, ритуальная пища – это тоже причащение. Любопытно, что и отказываясь от еды, и потребляя ее, мы коммуницируем с каким-то высшим существом [Смирнов, online].

Кухни разных народов, по сути, как языки. Например, Китай можно изучать через китайскую кухню. Человечество созрело для создания универсального словаря кулинарии. [...] Кухня – это такой же язык коммуникации, как язык моды, например [online, <http://www.itogi.ru/archive/...>].

В своих произведениях писатель нередко обращается к шокирующей теме каннибализма. Сам Владимир Георгиевич прямо выражает свое мнение об этом явлении:

Мысль, которая наиболее часто посещает меня в последнее время: как отвратительно, что люди едят животных. Ведь более естественно есть людей: животные – это абсолютно невинные создания, наши младшие братья.

Для меня животные – это промежуток между ангелами и людьми. Между тем единственное, что люди делают с животными, – жрут их или дрессируют. [...] Есть людей не жалко, а есть животных – в этом есть что-то извращенное, от чего люди никак не могут освободиться. Меня не так шокирует каннибализм, как выращивание животных на убой. Это просто как-то глупо растить тело, чтобы сожрать его. Причем тело существа доверчивого, у которого нет выбора [online, [http://www.itogi.ru/archive/...](http://www.itogi.ru/archive/)].

“Каннибальское пиршество”, “обряд входа во взрослую жизнь” – это главные мотивы новеллы *Настя*, открывающей сборник *Пир*. Смысл этого потрясающего рассказа гораздо глубже, чем яркий образ семьи каннибалов, съедающих собственную дочь.

Шеснадцатилетняя Настя, заживо испеченная в печи, поданная на стол для угощения гостям – метафора. Испокон веков родители пытались решать судьбу своих детей, невзирая на их волю. Сорокин хотел показать, как стереотипные мать и отец эмоционально и подсознательно “едят психику” своих послушных и доверчивых детей. Для шокирующего поведения героев Сорокина, пожирающих человечину, можно найти исторические и мифологические (Ацтеки, некоторые племена индейцев, Кронос, Тантал, а также жертвы кораблекрушений) параллели.

В русской обрядовой практике зарисован обычай “приправлять” тело младенца, посыпая его сахаром или обмазывая медом с целью прибавить ему нужные качества. В свою очередь ребенка, отстающего в развитии, допекали в печи, как недоделанный хлеб. В рассказе Сорокина Настю кладут в печь на ее совершеннолетие. Процесс ассоциируется с обрядом инициации – погружения во взрослую жизнь путем, например, прохождения через нелегкое испытание, здесь – ритуальный каннибализм [online, <http://hohleinsidler...>].

Крайним проявлением недостатка еды в послереволюционное время был большой голод начала 30-х годов. Этот факт долго относился к темам запрещенным. К писателям, которые обратились к этой теме, принадлежали Василий Гроссман, Владимир Тендряков, Виктор Астафьев и другие. О правде Голодомора многое можно узнать из научных работ Н. Ивницкого [Ивницкий, online] и Р. Конквеста [Конквест, online].

Гроссман в повести *Все течет...* создал апокалиптический образ украинского народа, страдающего от голода, вызванного антикрестьянской политикой государства в годах 1930–1933. Сталинский, невероятно высокий план хлебазаготовок разрушил стабилизацию в стране.

План оказался невыполнимым. Снизилась урожайность. Пресса пе-

чатала статьи о наказаниях непокорных и нечестных крестьян, подобравших на колхозном поле несколько колосьев с зерном. А ведь они пытались насытиться хоть немножко, накормить страдающих родных. Тех, которые пытались спрятать даже считанные зерна для детей, жестоко наказывали и осуждали за тунеядство и попытку сорвать программу хлебозаготовок, помешать размеру социалистической стройки в стране.

Гроссман показал, что в этих сложных условиях самым ценным являлся хлеб, который почти весь отнимали, не оставляя даже нескольких зерен в амбаре.

Эта беспощадная антикрестьянская политика вызвала сначала продовольственные затруднения, а затем привела к великому и страшному голоду. Число жертв голода, быстро распространяющегося на новые территории, возросло до нескольких миллионов.

Полностью изменилось крестьянское меню. Блюда, которые раньше составляли основу питания (каша, щи, хлеб, молоко) сейчас были за пределами, о них даже не мечтали. С временем украинский народ забыл вкус не только хлеба и мяса, но вообще вкус нормальной еды. На столе появились лепешки, сделанные из листьев и молотых желудей, земляные черви, отвар из старой кожи и костей. Все амбары и кладовые давно были пусты. Чтобы не умереть с голоду люди ловили мышей, весной, когда выросла трава, выкапывали ее с корнями. Гроссман показывает, что сознательно употребляли в пищу “продукты” очень вредные для здоровья, но и этого было мало, и они от голода болели и умирали.

Обитателей голодающих украинских сел голод заставил озвереть, выйти за пределы нравственных и религиозных запретов. Они начали питаться падалью животных. Известны также случаи людоедства.

После распада СССР в России опять появилось изобилие и своих и импортных продуктов, шикарные магазины и рестораны. Западная мода дает о себе знать и в этой области. Стоит вспомнить экспансию пэпси-колы и Макдональдса, о чем пишет, например, Виктор Пелевин в романе *Generation «П»*.

Проанализированные произведения свидетельствуют о поливалентности образов еды в русской литературе. Тема еды остается актуальной и в русской и в мировой литературах, так как с одной стороны имеет место изобилие пищевых продуктов в высокоразвитых странах, а с другой – ее резкий недостаток в развивающихся, где случаи смерти от голода повторяются каждый год.

Литература

- Анненкова Е. И., 2008, *Телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н. В. Гоголя (Семантика и функция еды)*, [в:] *Н. В. Гоголь и народная культура*, Москва.
- Бабенко Н., *Владимир Сорокин: мастер стиля и провокации*, [online], <http://intellika.info/publications/159/>, [29.06.2012]
- Бахтин М., 1965, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва.
- Болдырева Е., 2005, *Еда как структурно-семантический компонент детского мифа в романе И. Шмелева “Лето Господне”*, [в:] *Мировая словесность для детей и о детях*, Вып. 10, ч. I, Москва.
- Василенко Е., *Православный пост: «чудо голодания», диета или аскетический подвиг?*, [online], <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1023>, [29.06.2012]
- Елисеев Н., [online], <http://www.slovesnik.narod.ru/ruslit/stud/elis.htm/>, [29.06.2012]
- Гоголь И., 1977, *Старосветские помещики*, [в:] *Повести*, Москва.
- Гончаров И., 1967, *Обломов*, Москва.
- Давыдов А., 2008, *Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа*, Москва.
- Ивницкий Н., 2009, *Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казakhstan, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал*, Москва.
- Ильин И., 2001, *И. Шмелев “Лето Господне”*, Москва.
- Карпицкий Н., 2006, *Два текста о еде*, [в:] *Философские пиры Петербурга (материалы конференций 1999 и 2002 гг. С.-Петербурга)*, С.-Петербург.
- Конквест Р., *Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом*, [online], <http://zhnyva33.narod.ru/zhatva33.html>, [02.03.2013].
- Latynina A., *Рагу из прошлогоднего зайца*, [online], <http://www.srkn.ru/criticism/latynina.shtml>, [29.06.2012]
- Макаров Б., 2006, *Еда: удовольствие, власть и прибыль*, [в:] *Философские пиры Петербурга (материалы конференций 1999 и 2002 гг. С.-Петербурга)*, С.-Петербург.
- Пигров К. С., 2006, *Быть – значит есть*, [в:] *Философские пиры Петербурга (материалы конференций 1999 и 2002 гг. С.-Петербурга)*, С.-Петербург.
- Похлебкин В., 1992, *Кушать подано!*, “Современная”, № 3–4.
- Слово в Великий Четверток на Литургии. О Святыях Христовых Тайнах*, [в:] *Об исповеди и Святом Причащении*, 2010, Киев.
- Смирнов И., *Диалог о еде*, [online], <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:hpclBa86AAYJ:www.guelman.ru/slava/texts/eda.htm>.
- Шлат В., *Хлебосольный писатель Н. В. Гоголь*, [online], http://www.kulina.ru/articles/int/promenad/doc_3/.

Шмелев И., *Лето Господне*, [online], <http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/leto.txt>, [29.06.2012]
<http://www.dissercat.com/content/semanticheskaya-struktura-romana-oblomov-v-kontekste-tvorchestva-ia-goncharova>, [29.06.2012]
<http://www.itogi.ru/archive/2000/47/116728.html>, [29.06.2012]
<http://hohleinsidler.livejournal.com/3178.html>, [29.06.2012]

SOME COMMENTS ON FOOD SEMANTICS IN RUSSIAN LITERATURE

S U M M A R Y

Various forms and aspects of food are the interest study field not only of culture and literature, but also physiology, philosophy, theology and politics. A man does not only exists thanks to food and drink in their physical form. There is also some “spiritual food” that has a significant influence on our everyday life; for instance, music or literature.

Eating means also complying with some bans from administering some products. Those bans and restrictions concern some rituals, beliefs and fasts. The spiritual aspect of culinary is presented in an interesting way by Ivan Shmelov in his work entitled “Year of the Lord”. The characters have built up their lives on robust fundamentals of prayer and proper nutrition, bearing in mind that this combination will reinforce both their spiritual and physical power.

The metaphysical and spiritual attitudes towards food can be observed in writings of Vladimir Sorokin, a post-modern writer. Sorokin also touches upon a matter of cannibalism.

Another important issue is presented by Vasily Grossman who writes about the problem of hunger. In his work entitled “Everything flows”, the author showed an image of Ukrainian people, suffering from hunger which was caused by strict politics from 1930–1933.

The works analyzed in the article evidence polivalency of the images of food in Russian literature.

Justyna Gryko mail: grykojustyna@wp.pl